

Глава 1. Приехал...

— Ийэ! Мама!

Мальчик ворвался в комнату, сшиб ведёрце у печи, и оно, дребезжа, отлетело в угол. Мальчик махал руками от возбуждения, он даже рассердился и топнул ногой.

— Ну, мама!

— Ай, парень, — спокойно сказала мать, протирая тарелки. — В школу скоро, а под носом блестит. Для чего тебе мама дала носовой платочек?..

Мальчик, едва не плача, дёрнул мать за подол: непонятливая какая! При чём тут носовой платочек? Какой ещё такой носовой платочек?

— Мама! Ведь там приехал...

— Кто приехал?

— Учитель! К бабе Дарье!

— Что такое?

Блюдце с голубями выскользнуло у мамы из рук, и - в черепки.

— Ай, мама...

У малыша заныло в животе: он хорошо знал, что бывает за разбитую посуду. Сметливый мальчик попятился к двери, толкнул её задом, ещё раз шмыгнул носом — и был таков.

Она стояла возле стола, прижав к лицу мокрое полотенце.

— Приехал, значит...

Вода, разлитая по столу, прочертив узор на клеёнке, побежала на пол. Потом струйка иссякла, и только редкие капли — кап, кап — стали падать на пол.

Вот ведь дело какое — Сергей Аласов приехал... А сама замороженно следила за каплями: кап, кап. Всё так же с застывшим взглядом, ощупью, она подобрала осколки и почувствовала, какими слабыми стали её руки, будто весь день таскала мешки.

Прошлась бесцельно по комнатам. Из гардеробного зеркала на неё участливо глянула женщина с печальными глазами. Она улыбнулась нехотя своему отражению, и отражение покачало головой: «Ой, Надежда Алгысовна, что-то будет?..»

Что же будет теперь, Надежда Алгысовна?

Оглядев себя, она разгладила морщинку, привычно заправила за ухо выбившуюся прядь.

— Приехал, значит...

Вдруг стремительно, словно подстёгнутая решением, она рванулась к комоду, захлопала ящиками, перевернула там всё, и скоро перед зеркалом стояла уже другая женщина, в нарядном платье, по-девичьи стройная, с высокой причёской. Она провела ладонью под грудями, огладила бока. Право же, она ещё

куда как недурна, эта Надежда Алгысовна. Просто-таки красивая женщина! Подмигнув самой себе, Надежда — была не была! — разрушила строго уложенный крендель на голове, живые пряди вольно упали по плечам. Вот так!

Затем она взяла с полки первую попавшуюся книжку, постояла с минуту, чтобы успокоиться и вышла из дому.

Улица была безлюдной, скучной, ветер гнал опавшую листву. Вид этой жалкой листвы словно бы отрезвил её на минуту: «Что я делаю? Глупость какая!» Но мысль тут же погасла, как в зимнюю ночь гаснет лёгкая искорка над трубой юрты.

— Дорообо, Надежда Алгысовна!

— Надежда Алгысовна, добрый день!

На школьном дворе, как всегда перед первым сентября, было столько детворы, что звон стоял в ушах.

«Здравствуйте! Добрый день!» — налево и направо отвечала она, не видя лиц перед собой и стремясь только вперёд: через двор, в конец длинного коридора, к учительской.

Перед дверью, обитой чёрным дерматином, она помедлила, собираясь с духом, и решительно вошла.

Учительская была пуста. В углу большой сумрачной комнаты, неожиданно тихой после гомона на дворе, сидел завуч. Он торопливо писал. Тимир Иванович Пестряков. Заслуженный учитель республики.

Её муж...

Слыша, как кто-то вошёл, он поднял голову, очки сверкнули, и, честное слово, под этим взглядом законная жена Тимира Ивановича на секунду оробела, как школьница.

— А, это ты, Надя!

Он рассеянно улыбнулся ей и снова потянулся к листу. Но что-то в облике жены показалось ему необычным, Тимир Иванович ещё раз, теперь уже внимательней, поглядел на неё.

— Тыый! Ты что, Наденька? Дома всё в порядке?

Тут взгляд его упал на страницу под рукой, и человек забыл обо всём. Никому так трудно не приходится перед новым учебным годом, как завучу. Такая должность хлопотная, господи прости! Врагу не пожелаешь.

Надежда тихонько вышла.

Он вернулся вечером, уже затемно, и с порога сказал:

— Новость у нас — Аласов приехал. Дождались наконец. Приходила баба Дарья, в гости зовёт. Тебя, конечно, тоже... Пусть дети сами ужинают, а мы давай пойдём. Голубая моя сорочка глажена?

— Папочка! А я уже всё знаю! Это же к бабе Дарье учитель! Я видел! Я к маме прибежал... прибежал... я прибежал... — Тут язык мальчика перестал его слушаться, наверное, снова представилась ему ужасная картина с разбитым блюдцем. Он умолк и покосился на маму.

Мама была такой сердитой, что даже отец забеспокоился.

— Надюшка, ты не заболела ли?

— Голова что-то... Извинись там за меня...

Чёрная ночь стояла в окнах. Всё слышались какие-то шорохи, стуки. Однажды ей почудились даже голоса, будто сюда и впрямь могли долетать звуки застолья из избы бабы Дарьи. Сон не шёл.

Там, в старой избе бабы Дарьи, сейчас, наверное, самый разгар: доброго здоровья Сергею Аласову, выпьем за здоровье Сергея Аласова! Выпьем за человека, который после стольких лет вернулся в родные края, под отчий кров! И за добрую матушку его, за бабу Дарью тоже выпьем...

Она ещё с весны знала, что Аласов переводится в их школу. Знала, обо всём передумала, кажется, успокоилась и всё объяснила сама себе... И вот на тебе — успокоилась! Посуду бьёшь, места себе не находишь, бог знает с чего вырядилась, помчалась сломя голову. Совсем свихнулась. Волосы по спине распустила. Что Тима подумать мог! Стыд и стыд... А ну как и в самом деле Аласов оказался бы там? Это счастье твоё, что не застала. Есть ещё время взять себя в руки. Ах, как бы это было, если бы действительно — лицом к лицу... Страшно подумать!

Лицо его... Совсем он взрослый теперь. Ещё бы, война прошла, да после войны уже сколько! Глаза у мальчишки были чёрные-пречёрные. Иногда он закручивал свои смоляные брови рожками, пугал её. Теперь он мужчина. Педагог, член партии, говорят... Но во тьме перед глазами стояло всё то же юношеское лицо, всё тот же давний Сэргэйчик. Милый мой... Серёжка — брови рожками.

За баловство ему влетало чаще других. Но зато в пионерских походах никто так ладно и быстро не мог развести костёр меж двух камней, устроить шалаш из лапника, отыскать в тайге смородинник. В комсомол их принимали в один день. Он так рассказывал свою биографию, что все умирали со смеху. В седьмом классе это было.

Да, в седьмом. Тогда в школе впервые появился Тимир Иванович, Тима. Так же, как вот сегодня Аласов, приехал в Арылах новый учитель, очень серьёзный, в очках. И какой великолепный был на нём костюм! Вот уж истинно новый учитель — с иголочки. Молодой был, но представительный, всем в деревне понравился. И уж аккуратист! Кажется, и пылинки нет на прекрасном тёмно-

шоколадном костюме, и всё-таки нет-нет да смахнёт с рукава что-то уж совсем невидимое...

Ничто не укроется от ребячьего глаза, и через неделю любой в классе мог в точности изобразить, как новый учитель географии стряхивает с себя невидимые пылинки. А Наде прямо-таки проходу не давали: «Ну, представь разочек! Ну, ещё разочек!»

Каверзу с мелом тоже Надя придумала. Они вымазали мелом учительский стул. «Чистюля» уселся и потом весь день ходил с белыми фонарями. Вот смеху-то было!

Недобрая шалость, конечно. Тем более что Тимир Иванович сразу же показал себя как умный педагог, уроки географии в классе любили. Сейчас и не представить даже, почему они так над ним потешались. Детьми были... Сказал бы ей кто тогда, что этот «чистюля» станет её мужем, что они будут спать в одной постели и дети у неё будут от «чистюли»...

Между прочим, Сэргэйчик тогда немало удивил Надю — от него ли, озорника и насмешника, можно было ожидать... Они с девчонками настраивались повторить шутку с мелом. Аласов поманил её в угол, она с охотой подбежала: «Что, Сэргэй?» А он взял у неё мелок да бросил в окно.

— Смотри у меня! — погрозил с непривычной для него строгостью. — Косу выдеру!

Указчик какой! Надежда неделю презирала его как могла... Но каверзы свои оставила.

Они окончили седьмой класс, и их ватага распалась: кто в колхоз, кто в лесной техникум в Якутск, кто в пушно-меховой. Надины родители решили, что дочка будет кончать школу в райцентре (в Арылах тогда была семилетка).

Чужая школа... С каким тоскливым чувством шла она туда, плакать хотелось. Но первый, кого она встретила, — вот счастье-то! — был Серёжка Аласов. Как она обрадовалась! Бывало, в первые дни задумается на уроке и вдруг встрепенётся вся: здесь ли земляк, не пропал ли куда, не оставил ли её одну в чужой школе? Но очень скоро она освоилась. Тут ещё и арылахская подружка, Майя-смугляночка, появилась. Они ведь тогда задушевными приятельницами были, всё пополам. Кто бы теперь мог это представить!

Всё стало как в старой школе: если и поздно идти после уроков, она ближе к Серёжке, под его защиту. На каникулы они ехали в Арылах на какой-нибудь попутной подводе — все трое рядком, две подружки и Сергей. А на контрольных без зазрения совести списывали друг у друга.

И так до той памятной осени, до десятого класса. Казалось бы, какая особая разница: десятый класс — девятый класс? Но всё вокруг становится необычным от одного сознания — вот кончается... Вот после каникул мы пришли в школу,

и старше нас нет уже никого. Мы выпускники! И мальчишки уже не хватили девочек за косы, и уже не затевалась в школьном коридоре общая харах симсии. Чаще, чем прежде, — вечера с танцами, но как они теперь странно вели себя на этих вечерах! Девушки, оттанцевав с девушками, забираются в свой закуток, шушукаются, ненатурально смеются. А в другом углу зала парни ненатурально громко спорят о морском деле и о роли конницы на войне.

Всё переменялось. У Майечки завелись сердечные секреты с неким Сеней Чычаховым, капитаном сборной по волейболу. А Серёжа, тот словно бы стал даже сторониться Нади. Да и она уже не тянулась к нему, как прежде. Случись им теперь нечаянно встретиться взглядами, и оба поспешно отводили глаза в сторону, словно были в чём-то виноваты друг перед другом...

Помнится, зимой они всем классом пошли посмотреть новый фильм о деревенской девушке, полюбившей приезжего учителя.

Серый камень, серый камень,
Серый камень — пять пудов.
Серый камень столь не тянет,
Сколь проклятая любовь.

Эта песенка из фильма запомнилась с тех пор на всю жизнь. «Серый камень столь не тянет...» И так было печально на душе! Слезы стояли в глазах, но даже самой себе не могла бы она объяснить, откуда они. «Столь не тянет...»

Помнится, после фильма рядом оказался Серёжа.

— Догоним ребят! — Он протянул ей руку, и они побежали по узкой стёжке, меж сугробами, то и дело поскользываясь и толкая друг друга.

— Ой, не могу больше... погоди минутку.

Он стоял рядом, набычив голову в своей мохнатой шапке, и продолжал держать её руку в своей. Надя сделала попытку высвободиться, но он не отпустил.

— Варезки у тебя тонкие... — сказал он глухо, не сводя с неё глаз. — Разве в таких можно? В мороз...

Он сдёрнул с рук свои меховые.

— Вот, надень.

— А как же ты? Нет, возьми назад...

— Не возьму.

— Ну я прошу тебя... Сэргэйчик...

«Прошу тебя, Сэргэйчик».

И он сказал тогда:

— Наденька...

Её словно опалило.

— Нет-нет... — сказала она торопливо, чтобы хоть что-то сказать. — Ты заberi рукавички...

Он взял её руку вместе с рукавицей и притянул к себе.

— Не надо... — сказала она, сама себя не слыша.

— Вдвоём давай, в одной рукавице...

— Давай... вдвоём...

Они пошли близко друг к другу, потому что тропинка стала ещё уже. Он одной рукой держал её под локоть, а другая рука была в рукавице — одной на двоих.

Они шли молча. Надя, наверно, не смогла бы и слова произнести, всё в ней было сосредоточено на этой рукавице, будто вся она была там. Каждая жилочка напряглась в ней, когда его рука, сначала робко, потом всё крепче стала сжимать её руку, и пальцы их переплелись в рукавичке, и уже нечем было дышать под этим большим морозным небом, и голова кружилась, как на качелях.

Потом они ещё постояли сколько-то времени у её дома, — Надя не могла представить сколько, — всё так же, руки в рукавичке, не разжимая горячих ладоней. Наконец она осторожно высвободила свою, не глядя на него и ничего не сказав, нырнула в калитку.

Вот и всё, что было. Только-то и всего. Ничего больше. «Ровным счётом ничего!» — не однажды потом уверяла она себя. Не поцеловались, даже слова не сказали про любовь. Просто грели руки в одной рукавице. Что же тут особенного?

Зачем человек даже с самим собой не может быть искренним? Сама себя она пытается обмануть, повернуть свою память, как в детстве поворачивают весенний ручеёк: теки не туда, а сюда. Пусть бы рассказывала всё это какой-нибудь подружке, оправдывалась бы перед кем-нибудь. Но зачем же перед собой!

Только руки в рукавичке? Но почему, ответь, почему ты вдруг после этого перестала замечать всё вокруг, кроме него одного? Почему нападали на тебя то слёзы, то смех без причины? Почему сто раз на дню вы украдкой встречались взглядами? Что бы ни происходило вокруг, ты думала об одном и помнила всё до малой малости, зная, что и он в эту минуту думает о том же и помнит всё: как шли, рука в руке, как несло звёзды куда-то в сторону и как сердце билось.

Стыдно сказать, почти ничего другого ей не запомнилось из этих последних школьных месяцев. Что-то там было, какие-то ужасные страхи перед выпускными экзаменами, билеты, отметки, букет на столе комиссии, торжественно обставленный последний звонок, девчонки обнимаются и плачут: кончили! На выпускной вечер пришли гости, родители, были речи, сердечные напутствия, снова целовались, обнимали учителей. Всё это, как положено,

продельывала и Надя. Но и на экзаменах, и на торжествах всё равно каждую минуту она думала только о нём, о Серёжке. Совсем с ума сошла!

Кончился выпускной вечер, разошлись гости, проводили по домам любимых учителей и снова на часок вернулись в школу — на этот раз уже взрослыми. Тихонько, благоговейно обошли они класс за классом, потом сели за парты, где кто сидел. В зыбком свете белой ночи впереди перед нею была вихрастая Серёжкина голова. Она хотела бы думать о разлуке со школой, но думала о другом: а что, если сейчас она прощается с Сергеем навсегда? Не о разлуке со школой, о другом заплакала. Вот такой она оказалась благодарной ученицей!

Назавтра, в воскресенье, бывшие десятиклассники накупили в складчину мяса для шашлыков, консервов, немного вина и отправились в лес.

Июнь в Якутском краю — это ещё весна. В тайге первозданно зелено, нежна каждая веточка, солнце весёлое. Багровый костёр на круче и запах жареного мяса, вино, прямо из бутылки (никто не сообразил взять стаканы), — всё было так, как бывает только весной, как первый раз в жизни. Под гармошку танцевали осохай по-олёкмински и по-виллюйски. Обнявшись и глядя на огонь, в самую душу костра, пели песни о долгой зимней ночи и быстроногих оленях, о свежести первого цветка весной, о девушке Катюше и о городе, который в «синей дымке тает...». Они были рядом, Надя и Сергей. Даже не очень-то часто обращались друг к другу, только чувствовали: они рядом. И впереди ещё предстоял — она в этом была уверена — тот важный разговор, для которого сберегла самые дорогие слова.

Теперь она уже и не помнит, как вышло, что они остались у реки вдвоём. Тонкая ива тянулась к воде, по звонкому галечнику, рябя и посвёркивая, бежала речка. Серёжа сказал как о давно решённом:

— Подаём в институт. И чтобы в одной группе...

Она молчала, глядя в воду.

— Так, Надя?

— Так, Сэргэйчик.

— Вместе закончим. Вместе учителями в одну школу...

— В одну, Сэргэйчик.

Она всё смотрела на воду. Он взял её за плечи и осторожно повернул к себе.

— А потом навсегда. Да?

Она словно стала его эхом:

— Да.

Из бессчётного множества слов оказалось нужным только одно: «Да».

...Под вечер, разбойной гурьбой, они ввалились в деревню. Какой-то старик на околице с непонятной злобой крикнул им вслед: «Тише горланьте,

бесстыдники!» На него не обратили внимания. Это был их день, и они имели полное право горланить и разбойничать, — что бы по этому поводу ни думали встречные свирепые старики.

А потом это слово: война. Его поначалу, пожалуй, никто и не понял. Это сейчас только, спустя много лет, пройдя через лихо войны, каждый вспоминает страшное мгновение: «Война, ребята!»

Уходили они от школы. Было шумно, бестолково, всё бурлило вокруг. Наконец он шепнул ей — «сбежим», и они оказались одни в пустом классе. Внизу, под окнами, уже выкрикали фамилии, слышен был женский плач, они стояли рука в руке — как тогда в рукавичке...

За последние дни, как стало известно, что он уйдёт на войну, Надя тысячу раз пережила эту минуту, знала до последней малости всё, что должна была сказать и что сделать. Она должна была сказать, что с самого детства, когда ещё чуть ли не голышом бегали, и потом, в Арылахской школе, и здесь, в райцентре, всегда, всю жизнь она только его одного выделяла среди других, знала, что он будет её судьбой, что без него для неё счастья нет. Она должна была сказать ему всё это и крепко-крепко обнять и поцеловать так, чтобы он чувствовал этот поцелуй столько дней и месяцев, сколько им доведётся быть в разлуке.

Но она стояла перед ним и редела, слёзы мешали видеть его лицо.

— Не надо, Надя. Ну, не надо! Это ненадолго, вот увидишь... Мы их разгромим!

И тут за окном безумным голосом кто-то завопил: «Стройся!» Народ заметался.

— Никуда не уходи отсюда, — сказал Серёжа, держа её за плечи. — Не уходи, я сейчас вернусь, — и, неловко ткнувшись губами в её мокрую щёку, выскочил. — Я мигом...

Он не вернулся. Их построили в колонну и уже не выпускали. Из окна она видела, как Серёжа всё пытался что-то сказать военкому, но раздалась команда, и колонна призывников, взбив пыль, двинулась в окружении голосащей, орущей толпы. Надя выбежала из класса.

Чем дальше уходили ребята, тем больше редела толпа по бокам колонны. Когда вышли на Якутский тракт, парней сопровождали уже только самые близкие и самые верные.

Надя, как могла, поспешала, держась за руку Майи. Вся в своей любви и в своей беде, она в последние дни мало что замечала вокруг и только сейчас подумала: а ведь у Майи в душе та же чернота — среди колыхающихся голов на дороге уходил и Сеня, её жених.

Чтобы не отстать от колонны, подругам приходилось двигаться перебежками. Они спотыкались о корни на лесистой обочине, оступались в ямы,

но ничто не могло заставить их остановиться — ведь они могли ещё видеть наяву то, что завтра останется только во снах. Так и запомнилось: острые плечи Сергея, ярко-синяя кепка, сбитая на затылок, горбатый мешок за плечами. Время от времени он оборачивался, махал рукой, она тоже махала ему, перебегая по кочкам.

Так все и снилось потом — корни поперёк пути, алая вечерняя пыль, застилающая колонну, и его запрокинутое, необычайно светлое в низком солнце лицо.

Надежда Алгысовна рывком отбросила одеяло, встала с постели, зажгла свет, прошла в детскую. Потом зажгла свет и на кухне, и в коридоре. Она не могла больше лежать в темноте.

Что же он не идёт так долго! Муж должен был прийти и отвлечь её от прошлого. Нужно быть бессердечным человеком, чтобы бражничать всю ночь, когда твою жену обуревают такие муки! Бражничает сейчас в доме, куда ей навсегда закрыт вход. Едва ли баба Дарья действительно приглашала её — это сам Тимир уж так преподнёс. Никогда и ни за что она не появится в той избе...

Дочка заговорила во сне. По её лицу прошла тень — что-то и её уже тревожило в этой жизни. Впрочем, что значит — «уже»? Лирочке сегодня лишь немногим меньше, чем маме в те годы.

Стояла, обняв берёзу, а колонна всё уходила и уходила... И у той давнишней Нади — дочка теперь, почти взрослая девушка. Говорят, похожа на неё, молодую. Дочь и сын у неё — у этой другой Нади, у Надежды Алгысовны Пестряковой. И с той далёкой Наденькой возле берёзы эта нынешняя женщина не имеет почти ничего общего. А раз так, то и нечего терзаться пустыми воспоминаниями.

Не дождавшись мужа, Надежда Алгысовна уснула, сказав себе: всё прошло. Живи спокойно.

Всё прошло.

Ночи над Арылахом осенью черны. Утихает за ближней сопкой тракт, шофёры в такую пору норовят свернуть к какой-нибудь придорожной избе. Ровно в полночь, чихнув в последний раз, замолкает движок колхозной электростанции. Меркнут окна. Даже собаки перестают лаять. Смутно прочерчивается во тьме то стрёха избы, то зубья забора. Лишь тот, кто знает здесь всё до последнего камешка, поймёт в ночи, что это за изба и где стоит тот забор. Когда знаешь и любишь, видишь даже во тьме.

Журчит чёрная вода под мостком. Нависли козырьки над окнами, как брови. Груда бочек странным пятном белеет возле сельмага. Если перейти за мосток, тропа поведёт круто вверх, доведёт до скотного двора. Якутские мохноногие лошадки вольно бродят здесь, они не боятся ночи. Мерцает «летучая мышь» над

головой дежурного скотника. Скотник, конечно, спит без задних ног, хотя утром будет клясться, что не сомкнул глаз.

А на другом краю деревни, тоже на взгорке, стоит школа. Когда восток посветлеет и прорежется алая полоска зари — её прежде всего схватят школьные окна. В школе сегодня большое утро. Первое сентября.

Предутренний ветерок прошёлся по листве и затих. Первый петух загорланил — вон как его дерёт спросонья! Эй, школьники, не проспите своё первое сентября!

И вы, учителя, помните: первое сентября!